

А. В. Сдирков

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. asdirkov@yandex.ru**СОЖЖЕНИЯ В СРУБЕ ПРИ ИВАНЕ III: ИСТОКИ И СЕМАНТИКА**

В работе рассмотрена проблема происхождения казни через сожжение в срубе, которая еще не становилась предметом подробного исследования. Было выяснено, что актуализации данного наказания способствовало понимание отступничества, созданное в московской идеологии в ходе борьбы с Новгородом в 1470-е гг. Также было сделано предположение, что в условиях обострения эсхатологических переживаний конца XV в. и борьбы с ересью «жидовствующим» сожжение в срубе могло нести яркую семантическую окраску, восходящую к образу огненно-адаского колодца из апокрифа «Видение апостола Павла».

Ключевые слова: сожжение в срубе, семантика наказания, «жидовствующие», Иван III, Иосиф Волоцкий, эсхатология, апокриф

Одним из ключевых событий в истории Московской Руси рубежа XV–XVI вв. стал разгром так называемой ереси «жидовствующих». Конец многолетнему преследованию еретиков подвел церковный собор 1504 г., по итогам которого виднейшие из них подверглись жестокой казни. Ивана Волка Курицына, Митю Коноплева и Ивана Максимова 27 декабря сожгли в срубе в Москве, а Некраса Рукавова (которому к тому же отрезали язык), архимандрита Юрьева монастыря Кассиана и некоторых других еретиков сожгли в Новгороде¹. Необходимо отметить, что не только сущность, но и само существование ереси «жидовствующих» является предметом научной дискуссии². При этом в новейшей литературе наметилась тенденция воспринимать антиеретические кампании Ивана III как процессы, в которых политический контекст заметно преобладал над религиозным. Ряд исследователей полагает, что сама ересь была искусственно сконструирована новгородским архиепископом Геннадием (Гонзовым) и Иосифом Волоцким, поскольку это отвечало интересам московских властей³.

Казнь еретиков была воспринята в русском обществе начала XVI в. крайне неоднозначно и вызвала бурную полемику о наказании за ересь и отношении к ней в целом [Казакова, с. 110, 253; Плигузов, 2017, с. 57–81; Белякова, с. 209; Алексеев, 2012, с. 464–465]. Существенную роль здесь сыграло не только применение смертной казни к еретикам, но и ее способ – сожжение в срубе. Во всяком случае, сама экзекуция в виде сожжения не встречала единодушного одобрения русских книжников. Так, в нестяжательском «Ответе кирилловских старцев» особой критике подвергаются как призыв Иосифа Волоцкого к великому князю убивать еретиков, так и ссылка Иосифа на пример епископа Льва Катанского, который связал и сжег ерети-

¹ ПСРА. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 371–372.

² См., например: [Казакова, Лурье; Лурье; Скрынников, с. 126–156; Pliguzov; Хоулетт; Эттингер; Klier; Раба; Цветков; Петрухин; Чумичева; Алексеев, 2012; Дмитриев; Грищенко; Печников, 2018].

³ Об искусственном соединении «новгородского» и «московского» эпизодов ереси пишет А. Е. Мусин. Он считает, что обличительные порывы Иосифа Волоцкого совпадали с интересами Ивана III, который находился в «смятенном состоянии» после падения придворной партии Елены Волошанки и Дмитрия Внука. Ересь или даже отступничество окружения боговенчанного Дмитрия, действительные или мнимые, полностью лишали того царственной легитимности и требовали оправдания [Мусин, с. 116–117]. Ранее в схожем ключе высказался А. А. Зимин, который полагал, что Иосиф воспользовался угнетенным состоянием Ивана Васильевича и выпросил у него согласие на преследование еретиков. Возможно, он сумел убедить Ивана III, что именно еретики повинны в болезни великой княгини Софьи Палеолог и других бедах, постигших государя [Зимин, с. 61]. Кроме того, само общение великого князя с еретиками грозило обострением и без того сложных отношений великого князя с иерархами. По наблюдению А. А. Манохина, никто не хотел признаваться, что получал поставление, крещение и отпущения грехов от святителя-еретика. И тем более не желал подобного Иван III, вынужденный просить прощения у простого игумена – Иосифа [Манохин, 2019, с. 204].

^Б более подробно о развитии «еретической легенды» см.: [Казаков; Печников, 2020; Манохин, 2021].

ка Илиодора [Казакова, с. 251]. Старцы предлагали Иосифу самому пройти испытание огнем, подобно Льву Катанскому, взойдя на костер вместе с еретиком Кассианом [Казакова, с. 252].

Но почему для наказания еретиков 27 декабря 1504 г. был выбран именно огонь? Возможных причин несколько. Во-первых, казнь через сожжение (без упоминаний сруба) практиковалась на Руси задолго до начала борьбы с ересью «жидовствующих». Известен эпизод из Жития Авраамия Смоленского (первая половина XIII в.), когда жители города начали клеветать на святого, называли его еретиком и предлагали для него разные способы казни: одни хотели утопить его, а другие – пригвоздить к стене и сжечь⁴. Применялась данная казнь и за другие преступления, например колдовство. Так, в 1227 г. новгородцы сожгли на Ярославовом дворе четыре волхвов, а в 1411 г. псковичи сожгли по обвинению в колдовстве 12 «вещих женок»⁵. Причем, как показал П. В. Лукин, сожжение колдунов на Руси обычно носило характер коллективной расправы, поскольку колдуны и ведьмы могли восприниматься в качестве врагов православного христианства, а значит, и всего городского сообщества [Лукин, с. 395–397]. В 70-е гг. XIII в. подобную пенитенциарную практику критиковал епископ Владимирский Серапион: «Аже еще поганьскаго обычая держитесь: волхвованию вѣруете и пожигаете огнем невинныя челоуѣкы и наводите на весь миръ и градъ убийство»⁶.

Во-вторых, использование идеи огня как средства экзекуции над еретиками характерно для сочинений преподобного Иосифа Волоцкого, одного из главных сторонников жестких антиеретических мер. Прежде всего речь идет о мотиве саморазжигания огня грешником, в котором тот и погибает. Эта идея содержится в Книге пророка Исаии: «Се, вси вы огонь раждизаете укрепляете пламень: ходите светом огня вашего и пламенем, егоже разжегосте. Мене ради быша сия вам, в печали уснете» (Ис 50: 11). Именно на эту фразу ссылается преподобный Иосиф, говоря о еретиках: «Иже сия глаголюще, на высоту камень веръзаетъ, имже главы своя съкрушатъ и огонь вжигаютъ, имже згорятъ»⁷. То есть огонь уже заранее предназначен для еретиков (а еретики – для огня), и сожжение их, по Иосифу, будет не только идеальной казнью, но и предзнаменованием грядущей посмертной муки. Такая точка зрения явно не соответствовала взглядам нестяжателей.

В-третьих, сожжение грозило нарушителям апокрифического «Правила 165 святых отец» (далее – «Правило»), получившего распространение на Руси не позднее конца XIV в. и воспринимавшегося современниками как вполне каноническое. «Правило» обрушивалось на «обидящих церкви Божья» и защищало церковную собственность, предполагая суровую кару нарушителю, невзирая на его высокое положение: «Аще ли саномъ гордящияся негодовати начнутъ нашего повеленья, истинному правилу непокорящися святыхъ отецъ, въ какомъ сану но буди въ васъ, или воевода, воеводства чюжь, или воинъ, воинства чюжь. Паки же вельемъ негодованьемъ начнутъ негодовати, забывъ вышний страхъ, оболкъшеса в бестудье, повельваетъ наша власть тѣхъ огнемъ сжещи (курсив наш. – А. С.); дома же ихъ святымъ божьимъ церквамъ вдати, ихже обидѣша»⁸.

На первый взгляд, «Правило» обращено только к тем, кто незаконно отнимает церковные «села и виноградъ», однако это не так. Далее в его тексте говорится, что оно действует в отношении тех, «кто и сану преобидети начнетъ, или суды всхищати церковная и оправдания, или привлачающе насильемъ епископа и попа и дьякона и всякого, просто рещи, священ-

⁴ БЛАДР. СПб., 1997. Т. 5. С. 43.

⁵ ПСРА. СПб., 1841. Т. 3. С. 42; СПб., 1851. Т. 5. С. 22.

⁶ «Слова» Серапиона Владимирского // ПЛАДР. XIII век. М., 1981. С. 450.

⁷ Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих (далее – Просветитель). 3-е изд. Казань, 1896. С. 379.

⁸ РИБ. СПб., 1880. Т. 6. № 15. Стб. 146.

ничьского чина»⁹. Это означает, что «Правило» можно было толковать максимально широко, применительно к любой «обиде», нанесенной духовенству. Вполне вероятно, что источником «обиды» могли стать и еретики¹⁰.

Прекрасно знал «Правило» Иосиф Волоцкий – не только враг еретиков, но и один из главных защитников церковного землевладения. «Правило» прямо цитируется в послании преподобного Иосифа И. И. Третьякову, причем это именно фрагмент о сожжении¹¹. Хорошо известно было «Правило» и новгородскому архиепископу Геннадию, который первым начал борьбу с еретиками. Геннадий ссылался на «Правило» еще в 1485 г. в своем послании князю Борису Волоцкому, прося о возвращении земельных владений Софийской церкви на Волоке¹². Важно, что он цитирует ту часть «Правил», которая грозит сожжением отнимающим церковные земли¹³. Знали этот текст и противники суровых казней в отношении инакомыслящих. Показательно, что один из виднейших нестяжателей и критиков сожжения еретиков, Вассиан Патрикеев, при составлении своего варианта Кормчей книги исключил оттуда «Правило» [Казакова, с. 62].

Судя по всему, «Правило» привлекалось на церковном соборе 1503 г.¹⁴, в ходе которого иерархи выступили против покушения великокняжеской власти на монастырские земли. Иван III уже давно вынашивал планы ограничения церковного землевладения и изъятия имений Церкви в пользу государства: ему необходимы были свободные земли, чтобы жаловать ими служилое дворянство [Петрушко, с. 12–13]. В деятельности собора 1503 г. принимал участие и преподобный Иосиф [Казакова, с. 279]. Можно допускать причастность московских еретиков к секуляризационным планам Ивана III на соборе 1503 г., особенно если учесть, что осуждены они были только год спустя [Петрушко, с. 13]. В таком случае основанием для их осуждения (и сожжения!) вполне могло стать «Правило».

Видимо, на русскую практику сожжения в определенной мере повлияли и византийские правовые нормы. В частности, в Кодексе Юстиниана было предусмотрено сожжение «жрецов» и «птицегадателей» (сруб или иное приспособление здесь также не указываются), позднее эта норма была заимствована составителем Номоканона в XIV титулах и вошла в состав славянских Кормчих книг [Бульчев, с. 46]. И. П. Медведев полагает, что, поскольку Номоканон пришел на Русь «без смягчающих комментариев Вальсамона», вся содержащаяся в его гражданской части «лествица уголовных кар», на верхних ступенях которой непременно фи-

⁹ Там же. Стб. 145.

¹⁰ В тексте «Правил» из митрополичьего формулярника ОР ГИМ. Синодальное собрание. № 562 (далее – Син. 562) вместо «и сану преобидети начнет» написано «в сану преобидети начнет» (Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века (далее – РФА). М., 1986. Ч. 1. № 30. С. 141). Возможно, это является указанием на то, что ряд еретиков-«жидовствующих» были священнослужителями (например, архимандрит Кассиан, сожженный в Новгороде). А. И. Плигузов отметил, что незадолго до 15 июля 1504 г. уже существовал корпус текстов, затем включенный в формулярник на л. 16–223 [Плигузов, 1986, с. 20]. В число этих текстов входит и «Правило» (Л. 96 об.–97), опубликованное в РФА под № 30. Если учесть, что первая часть формулярника была составлена в канцелярии митрополита Симона в 1504–1507 гг., то есть на завершающем этапе антиеретической кампании Ивана III, а в декабре 1504 г. состоялась казнь еретиков в Москве, можно полагать наличие прямой связи между включением «Правил» в состав митрополичьего формулярника и борьбой с еретиками. Я. С. Лурье считал, что антиеретическая тематика в принципе была очень важна для составителей Син. 562, включивших туда материалы против ереси стригольников, написанные почти век назад [Казакова, Лурье, с. 231].

¹¹ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 197–198.

¹² РИБ. Т. 6. № 113. Стб. 753–760.

¹³ Там же. Стб. 758.

¹⁴ Во всяком случае, о нем упоминает «Соборный ответ 1503 г.» – две речи митрополичьего дьяка Леваша Коншина, которые он должен был произнести перед Иваном III от имени митрополита Симона (Послания Иосифа Волоцкого. С. 324; [Петрушко, с. 16]). Во второй речи присутствует аллюзия на это апокрифическое правило: «аще имут обидети или вступатися во что церковное или в суды и управы и в пошрины и в десятины церковныя, святительския или отъимати, – да будут прокляти в сей век и в будущий» (Послания Иосифа Волоцкого. С. 326). Впрочем, А. И. Плигузов считает «Соборный ответ» поздней иосифлянской компиляцией [Плигузов, 2017, с. 386].

гурировала смертная казнь, а также богатый набор членовредительских и телесных наказаний, через посредство Кормчей широко отразилась в древнерусском (и вообще русском) праве [Медведев, с. 498].

Схожая ситуация имела место с «Правилем 165 святых отец». Необходимо отметить, что «Правило» имело достаточно широкое хождение на Руси уже с конца XIV в. Оно вошло в состав так называемой «Власфимии» (сборника против еретиков и симонии), сохранившегося в списке конца XIV в. (ОР РНБ. Собрание Новгородского Софийского собора. № 1262 (далее – Соф. 1262)) и двух сборниках рубежа XIV–XV вв. (ОР ГИМ. Чудовское собрание. № 21 и РГАДА. Ф. 357 (Собрание Саровской пустыни)). № 2) [Корогодина, с. 106, 227]. «Правило» читается и в старшем списке Кормчей Мясниковской редакции (ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q.П.49. 1410-е гг.), куда оно было выписано из Кормчей Чудовской редакции [Корогодина, с. 107]. Из всех редакций Кормчих книг «Правило» известно только по Чудовской (где оно указано дважды!). Чудовская редакция, составленная, видимо, в XIV в., была самой распространенной на протяжении XV–XVII вв. и содержала большую подборку антилатинских и других антиеретических сочинений, в том числе против иудеев и «жидов» [Корогодина, с. 107, 128, 181, 183]. Вполне возможно, что она могла привлекаться и в антиеретических процессах эпохи Ивана III в качестве вспомогательного пособия.

Наконец, на возможное использование «Правил» в русской пенитенциарной практике конца XV – начала XVI в. может указывать следующий эпизод. В 1509 г. в первую неделю после Троицы псковичи на реке Великой сожгли пономаря Троицкого собора Ивана, укравшего из храмовой казны («ларей») 400 рублей¹⁵. За святотатство по Судебнику 1497 г. полагалась смертная казнь, но способ казни в законе не уточняется¹⁶. Зато данный случай очень хорошо укладывается в парадигму обвинений из «Правил», направленного против отнимающих «данное богами в наследие вечных благ». Кража столь крупной суммы, да еще из кафедрального собора, вполне могла быть воспринята псковичами не просто как воровство, а то самое «негодование», за которое можно было сжечь незадачливого пономаря.

Известны и другие сожжения за колдовство, также без указания на осуществление казни в срубе. Среди советников Ивана III, которых ростовский архиепископ Вассиан Рыло осуждал за трусость во время событий на р. Угре в 1480 г., был Григорий Мамон, мать которого была сожжена можайским князем Иваном Андреевичем «за волшебство»¹⁷. В начале XVI в. волоцкий князь Федор Борисович по вымышленному обвинению в колдовстве сжег монаха Фофана с сыном Михаилом, предварительно подвергнув их наказанию кнутом¹⁸. Огонь традиционно считался главным, хотя и не единственным, наказанием для грешников. В «Слове Иоанна Златоуста о осужении» из Трифонового сборника конца XIV – начала XV в. говорится о необходимости следовать церковным правилам, не уклоняясь ни направо – «в огонь с жиды и с еретики», ни налево – «в скрежет зубом с идоломолци с иноверными» (Соф. 1262. Л. 88 об.). Иосиф Волоцкий писал, что огонь уничтожает вещи и греховное естество, как Божество очищает согрешение верующих¹⁹, а в канонических сборниках Иосифова монастыря были статьи «О чистилищном огне» [Алексеев, 2003, с. 52]. Неудивительно, что огонь часто рассматривался в качестве единственно надежного средства защиты [Романова, с. 64] от всего «нечистого», будь то колдовство или ересь.

¹⁵ ПСРА. СПб., 1848. Т. 4. С. 282.

¹⁶ Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 2. С. 55. Следует отметить, что правоприменение норм Судебника 1497 г. остается дискуссионным и до конца не изучено.

¹⁷ ПСРА. Т. 6. Вып. 2. Стб. 103, 306.

¹⁸ Послания Иосифа Волоцкого. С. 213.

¹⁹ Просветитель. С. 72.

Определенное влияние могли оказывать и достигшие Руси в конце XV в. известия о деятельности испанской инквизиции, к которым проявлял большой интерес такой враг еретиков, как новгородский архиепископ Геннадий. При участии Геннадия около 1490 г. был составлен «Рассказ об инквизиции», повествующий о сожжении по приказу испанского короля еретиков, уличенных в «жидовских ересьях» [Алексеев, 2012, с. 270]. Приверженцы иудаизма массово сжигались на кострах, а их имущество конфисковывалось в королевскую казну, о чем и говорится в «Рассказе» [Печников, 2020, с. 172–173], который в характеристике наказания перекликается с «Правилем 165 святых отец» (сожжение и конфискация имущества). Масштабы деятельности инквизиции в Испании были значительны. Например, только в Севилье в 1480–1487 гг. 700 евреев-еретиков были сожжены на кострах Торквемадой [Делюмо, с. 287]. Подобная практика, как отмечалось в историографии, могла вдохновить и Геннадия, который призывал жечь и вешать обвиненных им в иконоборчестве [Казакова, Лурье, с. 117, 130; Алексеев, 2012, с. 422–423].

Итак, обращение к древнерусской теории и практике наказания через сожжение вполне объясняет причины выбора казни для «жидовствующих» в декабре 1504 г., но не проливает свет на то, почему казнь была проведена именно в срубе. Ни в одном известном до конца XV в. случае сожжения на Руси сруб не упоминается. Сруб не применялся инквизицией и в Европе. В то же время сожжение в срубе хорошо известно по позднейшим русским материалам. Таким образом, поиск ответа на вопрос о причинах использования сруба в момент казни «жидовствующих» приобретает особое значение.

В XVII в. этот способ казни использовался в России в отношении лиц, обвиненных в колдовстве [Копытков, Кузнецов; Кивельсон, с. 118]. Применялся он и к старообрядцам, которых начали сжигать в срубах как еретиков. Хотя тогда данная казнь, видимо, была не только воплощением сложных семантических аспектов наказания, но прежде всего исполнением действующего законодательства, в данном случае – первой главы Соборного уложения²⁰. Похоже, именно это привело к коренному переосмыслению сожжения в срубе уже противниками официальной церкви – старообрядцами.

Отдельные попытки интерпретации символики огненного сруба предпринимались в исследовательской литературе, посвященной самосожжениям старообрядцев («гарям») в XVII в., которые также совершались в срубах. Так, Е. В. Романова пытается связать сожжения в срубе с библейским сюжетом «Пещного действия» – ввержения вавилонским царем Навуходоносором трех отроков в огненную печь [Романова, с. 73]. Однако для рубежа XV–XVI вв. такое объяснение явно не подходит. Семантика «Пещного действия» не может быть применена к этому периоду, так как здесь в роли ревнителя благочестия выступает именно великокняжеская власть, цель которой – наказание еретиков, а не проведение церковного торжества.

Старообрядческие тексты представляют определенную ценность для реконструкции внешнего вида сруба. Это не обязательно может быть сруб для сожжений. Инок Евфросин, автор «Отрачительного писания о новоизбранном пути самоубийственных смертей» (1691 г.) и ярый противник «гарей», описывает устройство «морильни» в Ветлужском лесу, в которой некий старец запирает людей и морил их до смерти голодом и жаждой. Согласно Евфросину, «морильня» представляла собой помещение без окон и дверей, в которое людей спускали через потолок. Чтобы в «морильню» поместилось больше узников, в ней были предусмотрены

²⁰ Статья 1 гласит: «Будет кто иноверцы, какия ни буди веры, или и русской человек, возложит хулу на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождшую Его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, или на честный крест, или на Святых Его угодников, и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма, и того богохульника обличив, казнити, зжечь» (Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 3. С. 85).

полати²¹. В другом случае описывается «дом», в котором сгорело сразу 600 человек²². «Дом» (или «изба») обычно строился основательно, укреплялись кровля и ворота, чтобы никто из участников «гари» не смог сбежать²³.

Что интересно, Евфросин сопоставляет вязниковского старца Капитона и его учеников, от которых якобы и пошла практика морить себя голодом до смерти и устраивать самосожжения, с новгородскими еретиками «при великом же князѣ Василии Ивановиче». Он утверждает, что Капитон «постя же ся и в субботу, жидовство введе»²⁴, что вполне согласуется с обвинениями Иосифа Волоцкого в адрес «жидовствующих».

Дополнительную информацию о подготовке сруба для сожжения содержит описание казни протопопы Аввакума и его единомышленников (священника Лазаря, диакона Федора и инока Епифания) в Пустозерске: «И обложиша сруб весь смольем и берестом, и соломою, и смолою, и зажгоша огнем» [Кожурин, с. 366]. Узников привязали по четырем углам сруба, при этом Аввакум уже в пламени костра сумел освободить руку, сложил ее в двуперстное крестное знамение, высоко поднял над собой и обратился к народу, призывая молиться именно так²⁵. Согласно «Сказанию о кончине блаженного Епифания и прочих с ним страдальцев в Пустозерском городке, како скончались», жители Пустозерска наблюдали, как страдальцы, уже объятые пламенем, допели до конца молитву и поклонились в землю [Кожурин, с. 366]. Эти свидетельства позволяют предполагать, что сруб был небольшой высоты и давал возможность видеть казнимых.

Иное описание сруба приводит Симеон Денисов (начало XVIII в.) в рассказе о сожжении юродивого Иоанна Похабного. Отдельно уточняется, что «в срубъ спустиша его»²⁶. Видимо, в данном случае высота сруба была достаточно ощутимой, а сам сруб, как и «морильня» в «Отразительном писании» Евфросина, не имел дверей и окон, поскольку казнимого туда спускали сверху. В целом обращение к старообрядческим текстам показывает, что в XVII в. сруб для сожжения, как правило, представлял собой прочную бревенчатую конструкцию, а в ряде случаев – полноценный «дом» или «избу». Можно ли перенести это описание на ситуацию почти двухвековой давности (конец XV – начало XVI в.), если об устройстве сруба для казни «жидовствующих» почти ничего не известно?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать летописное известие о казни еретиков. Оно выглядит следующим образом: «И сожгоша в клетке (курсив наш. – А. С.) дьяка Волка Курицина да Митю Коноплева, да Ивашка Максимова декабря 27. А Некрасу Рукавову повелѣша язык урѣзати, и в Новѣгородѣ в Великом сожгоша его. Тое же зимы архимандрита Касиана юрьевского сожгоша да брата его Ивашка Самочерного, да Гридю Квашню, да Митю Пустоселова и иных еретиковъ сожгоша»²⁷. Если ситуация с отрезанием языка за богохульство выглядит вполне очевидной (например, Симеон Денисов пишет в «Винограде Российском», что такому же наказанию подвергся священник Лазарь перед сожжением²⁸), вопрос о том, в какой «клетке» сожгли еретиков, остается открытым.

²¹ Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжений 1691 г. СПб., 1895. (Памятники древней письменности. Вып. 108). С. 11.

²² Там же. С. 23.

²³ Там же. С. 25, 77.

²⁴ Там же. С. 96.

²⁵ Там же.

²⁶ История об отцах и страдальцах соловецких: Лицевой список из собрания Ф. Ф. Мазурина. М., 2002. С. 42.

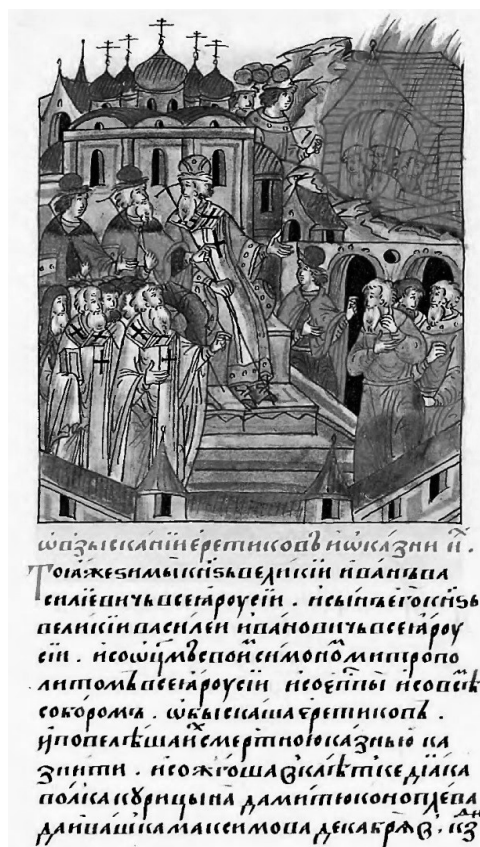
²⁷ ПСРА. Т. 6. Вып. 2. Стб. 372.

²⁸ Виноград российский или описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (княз. Мышецким). М., 1906. Л. 29 об.

Согласно Словарю древнерусского языка XI–XVII вв., клеткой иногда называли бревенчатый сруб²⁹. В то же время «клетка» могла быть синонимом слова «клеть» в значении «отдельно стоящая бревенчатая или дощатая жилая постройка без печи, а также дом»³⁰. Известно, что домом старообрядцы могли называть сруб для сожжения. Последний вариант (клетка – клеть – дом) представляется наиболее вероятным для событий 1504 г. И основанием для такого вывода являются не только старообрядческие тексты, но, что гораздо важнее, материалы XVI в.

В записках о России английского дипломата Джильса Флетчера, составленных в конце XVI в., упоминается любопытный эпизод. Флетчер пишет о казни неких мужа и жены, до этого в течение 28 лет содержавшихся в темнице. Уточняется, что их сожгли в Москве «в маленьком доме, который нарочно для того подожгли»³¹. Основание для казни также приводится. Согласно автору, священники и монахи уверили народ, что «эти люди были злые и проклятые еретики»³². То есть налицо публичная (подчеркнуто присутствие народа при экзекуции) казнь за ересь путем сожжения в деревянном «доме». Более того, если верить Флетчеру, вина сожженных «осталась тайною», и духовенству пришлось провести определенную идеологическую подготовку, убедив людей в необходимости сожжения «еретиков».

Наиболее же ценным свидетельством того, что казни еретиков были публичными и производились в закрытом «доме», являются миниатюры Лицевого летописного свода второй половины XVI в.

Слева – казнь Ивана Лукомского и Матиаса в январе 1493 г. Справа – казнь московских еретиков в декабре 1504 г. Лицевой летописный свод. Вторая половина XVI в.

²⁹ Словарь древнерусского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7. С. 166.

³⁰ Там же. С. 168.

³¹ Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1906. С. 111.

³² Там же.

Изображение казни еретиков в Москве в декабре 1504 г. выглядит здесь следующим образом: в находящейся за пределами Кремля горящей бревенчатой постройке, имеющей форму небольшого дома с крышей, заперты три еретика: Иван Волк Курицын, Митя Коноплев и Ивашка Максимов³³. За экзекуцией издали наблюдают великий князь Иван III и его окружение, а также представители духовенства во главе с митрополитом Симоном. Возле горящего сруба также находятся люди. Под миниатюрой содержится тот же летописный текст с комментарием: «И сожгоша в клѣткѣ...»³⁴. Схожая картина наблюдается и на миниатюрах с сожжением новгородских еретиков: они заперты в горящих срубах (правда, не имеющих высокой крыши), находятся в сидячем положении, казнь проходит при большом стечении народа, а срубы расположены за пределами города³⁵. В целом же, хотя сруб XVI в. и не всегда имел форму полноценного дома, он однозначно являлся закрытой бревенчатой конструкцией, в которой невозможно стоять в полный рост, как это делал позднее Аввакум.

Если внешний вид сруба можно довольно точно реконструировать по летописным миниатюрам и старообрядческим текстам, то выявить семантику наказания намного сложнее. Очевидно, существенную роль в его формировании сыграли представления об очистительной силе огня, хорошо известные в православной традиции, в том числе и противникам ереси «жидовствующих». Немаловажно, что в ситуации обострения эсхатологических настроений, характерной для второй половины XV в., когда многие ожидали наступления конца света в 7000 (1492) г., могли актуализироваться любые сюжеты, в которых упоминалось об огне [Романова, с. 67]. С XV в. растет популярность иконографии Апокалипсиса³⁶, Страшного суда и Сошествия во ад. Это следует учитывать, поскольку в иконографии Страшного суда значимое место традиционно занимает изображение огненного потока, впадающего в геенну огненную и исходящего от престола Христа [Алексеев, 2002, с. 87].

Начало массовому преследованию еретиков в Новгороде в конце 1480-х гг. положил архиепископ Геннадий. Не добившись суровой кары для еретиков на церковном соборе 1490 г., Геннадий использовал собственный прием их наказания. По свидетельству «Просветителя», владыка велел посадить еретиков на коней задом наперед, чтобы они смотрели «на запад в уготованный им огонь» (характерное для того времени отождествление запада с адом), надеть на них остроконечные «бесовские» шлемы из бересты с надписью: «Се есть сатанино воинство» – и водить по городу, а всем встречным было приказано плевать в них³⁷. Потом для устрашения остальных еретиков шлемы были сожжены прямо у них на головах.

Семантика этого наказания, его возможные связи с иконографическими и литературными образами, а также с практикой инквизиции неоднократно изучались исследователями [Тарасов, 2014; Тарасов, 2020; Печников, 2020, с. 215–216; Антонов, Майзульс, с. 34, 43; Тогоева]. Не приходится сомневаться, что геннадиевское наказание «жидовствующих» в конце XV в. не только является публичным актом позора, но и содержит сложную символику. Есть веские основания полагать, что способ казни, избранный для еретиков в декабре 1504 г., также несет сложную семантическую нагрузку.

Начнем с того, что сожжение в срубе «жидовствующих» не было первым прецедентом такого наказания. Самым ранним достоверно известным случаем применения этой казни стало сожжение «в клѣткѣ» на Москве-реке 31 января 1493 г. князя Ивана Лукомского и латинского

³³ Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2014. Кн. 18. 1503–1527 гг. С. 43.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 44, 45.

³⁶ Древнейший известный в русской живописи цикл Апокалипсиса был создан в 1405 г. Феофаном Греком во время росписи Благовещенского собора Московского Кремля [Чинякова, с. 23].

³⁷ Просветитель. С. 41–42.

толмача поляка Матиаса, приехавших из Литвы и обвиненных в желании отравить Ивана III³⁸. Тогда мотив обвинения был как будто бы чисто политическим: попытка покушения на жизнь государя. Теоретически можно было бы связать способ казни с колдовством, поскольку в деле фигурировало «зелье». Однако понятие «зелье» могло означать яд вообще, а не исключительно колдовское снадобье. Кроме того, задачей Лукомского было убийство Ивана III как таковое, его способ являлся вторичным по отношению к задаче («а къ цѣлованию его король привель на томъ, что ему великого князя убити или окормити зельемъ»)³⁹. Показательно, что в близком по времени и обстоятельствам случае (попытка неких «лихих баб» отравить «зельем» Софью Палеолог в 1497 г.) Иван III велел утопить виновниц в Москве-реке.

На миниатюре Лицевого летописного свода, посвященной казни князя Лукомского и Матиаса, изображен пылающий бревенчатый дом, идентичный тому, что показан в сюжете о казни московских еретиков в 1504 г. Два узника – Лукомский и Матиас – сидят внутри со связанными руками. За казнью наблюдает множество людей во главе с Иваном III. Отличие заключается лишь в том, что сруб здесь поставлен прямо на реке «пониже мостоу»⁴⁰.

Что же связывает события 1493 и 1504 гг., кроме огненного сруба? Похоже, что сожжение в срубе князя Лукомского и толмача Матиаса стало одной из ключевых вех в развитии российской пенитенциарной системы. Отсутствие здесь религиозного контекста только кажущееся, о чем будет сказано ниже. Попробуем разобраться с источником образа казни.

Мы полагаем, что организаторы сожжения 1493 г. действовали в рамках того же подхода, что и архиепископ Геннадий тремя годами ранее, – с опорой на книжные образы. Схожий сюжет можно найти в популярном на Руси в то время апокрифе – «Хождении апостола Павла по мукам», или, как его еще называют, «Видении апостола Павла» (далее – «Видение»). Там упоминается адский огненный колодезь («кладязь»), выхода из которого уже нет и никогда не будет: «И постави мя над кладеземъ, и бяше запечатан 7 печатеи... И видихъ яко и каменье горящее во всехъ частехъ его, и оузота его тѣчью человека вмещаща... Аще кто ввержетъ в бездну и съ кладязь, памяти ему несть оуже в веки...»⁴¹. Огненный колодезь «Видения» может быть сопоставлен с рукотворным горящим срубом, который становится местом забвения, навеки непреодолимым для попавшего в него.

Кто же мог удостоиться такой страшной кары? Ответ в «Видении» дается незамедлительно: «Иже не исповѣдаша яко Исусъ снидеть въ плоти, яко роди его Дева Марья и не глаголящихъ хлѣба благословенъе и чаша Сына Божья не сущаго тѣла и крови Христовы...»⁴². То есть туда ввергались отрицающие второе пришествие Христа и св. Причастие. А ведь именно такие взгляды, с точки зрения Геннадия Новгородского и Иосифа Волоцкого, были свойственны «жидовствующим». К примеру, Геннадий в послании епископу Прохору Сарскому, обличая отказ еретиков причащаться и сравнивая их с маркианами, ссылался [Хоулетт, с. 64] на трактат Тимофея Константинопольского о принятии еретиков (глава «О маркианѣхъ», п. 12), где утверждается: «Глаголють святое тѣло и кровь Христову, истиннаго Бога нашего, святому причащению никако же успѣти ни вредити, достойно или недостойно сихъ, причащающихся церковнаго общениа, никогда же подобно отлучати ся, неразличну тому сущу»⁴³. Трактат этот, под названием «Сказание о различии приходящихъ к вере», являлся своего рода справочником по всем известным тогда ересям и был хорошо известен книжникам XV в., в том числе тем,

³⁸ ПСРА. СПб., 1913. Т. 18. С. 277–278.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. М., 2014. Кн. 17. 1483–1502 гг. С. 229.

⁴¹ Хождение апостола Павла по мукам // Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2. С. 54.

⁴² Там же.

⁴³ ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 1056/1165. Кормчая. Конец XV в. Л. 269 об.

кого причислили к еретикам. Так, он содержится в Кормчей Ивана Волка Курицына (ОР РГБ. Ф. 173/1 (Фундаментальное собрание Московской духовной академии). № 187. Л. V об.).

Существенным является вопрос о легитимности апокрифического образа огненного колодца в практике наказания, а также о распространении «Видения» и данного конкретного образа в книжной среде. Апокриф в полной его версии был известен на Руси по крайней мере уже с конца XIV в. Он цитируется составителем «Слова некоего христолюбца, ревнителя по правой вере», которое в XIV в. было включено в состав знаменитого «Паисиевского сборника». Древнейший русский список пространной редакции «Видения» входит в состав сборника ОР РНБ. Собрание Новгородского Софийского собора. № 1264 (далее – Соф. 1264) (XV в.) [Милюков, с. 88]. Именно к его публикации, подготовленной Н. С. Тихонравовым, мы обратились в настоящем исследовании.

Официальная Церковь расценивала данный апокриф как нежелательный текст. Так, «Видение Павлово» присутствует и в Индексе ложных книг, создание которого относят ко времени митрополита Киприана (конец XIV в.), и в Индексе митрополита Зосимы (1490–1494 гг.)⁴⁴. С другой стороны, это не мешало распространению «Видения» в славянской книжности. К настоящему времени в предварительный перечень рукописей, содержащих «Видение», включено около сотни русских, болгарских, сербских и молдавских списков. Количество списков памятника до сих пор не учтено, но здесь надо иметь в виду, что церковно-учительные сборники, в которые входил данный апокриф (точнее, его краткие редакции), относятся к наиболее распространенным в составе древнерусской и восточно-христианской книжности [Милюков, с. 89].

Хотя, как показал В. В. Милюков, число известных копий пространной редакции «Видения» невелико (из ранних текстов это, например, рукопись XVI в. ОР РГБ. Ф. 247 (Собрание Рогожского кладбища). № 608 (далее – Рогож. 608). Л. 229 об.–250 об.), сокращенные переделки на основе полной версии апокрифа под названием «Слово о епистоли святого Павла» и «Слово о видении Павла апостола», вопреки запретам Индексов, включались в «Златоусты» и «Измарагды», а также воспроизводились в сборниках смешанного содержания⁴⁵. В Измарагдах XVI в. апокриф присутствует в сильно сокращенном виде, и сюжета с колодцем там нет, как нет и описания остальных адских мук (к примеру, в МДА 135 или Сол. 270/270). Видимо, это обусловлено спецификой сборников поучительной литературы, главная задача которой – призвать читателя к покаянию в грехах и заставить его задуматься о грядущем Страшном суде, а не воспроизводить бесчисленные образы пыток из преисподней. Зато данный сюжет уверенно читается в раннем сборнике Севаст. 43⁴⁶, только вместо термина «кладязь» используется его синоним «кладенець» (Севаст. 43. Л. 120–120 об.). Присутствует он и в Рогож. 608 [Милюков, с. 93].

⁴⁴ РФА. М., 1988. Ч. 4. № 46. С. 712; [Милюков, с. 89].

⁴⁵ К числу упомянутых сокращенных текстов относятся, например: «Слово о видении апостола Павла» (ОР РГБ. Ф. 199 (Собрание Никифоровых). № 60. Измарагд. XVI в. Нач. на Л. 27 об.); «Слово от видения апостола Павла» (ОР РГБ. Ф. 247 (Собрание Рогожского кладбища). № 207. Измарагд. XV в. Л. 233 об.–239 об.; Ф. 173/1 (Фундаментальное собрание Московской духовной академии). № 135 (далее – МДА 135). Измарагд. XVI в. Л. 277 об.–279 об.; ОР ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 620-1°. Измарагд. XVI в. Л. 1346–136а; ОР РНБ. Основное собрание рукописной книги. Q1.1009. XVII в. Нач. на Л. 168). Извлечения из апокрифа читаются в ОР РГБ. Ф. 270 (Собрание П. И. Севастьянова). № 43 (1472) (далее – Севаст. 43). Сборник апокрифических сочинений. XV в. Л. 111–126; ОР РНБ. Собрание Соловецкого монастыря. № 270/270 (далее – Сол. 270/270). Измарагд. Третья четверть XVI в. Л. 194–195 об.; Собрание М. П. Погодина. № 801. XVII в. Л. 271–279; № 947. XVII в. Л. 21, 566–59 [Милюков, с. 93–94].

⁴⁶ Согласно описи собрания рукописей П. И. Севастьянова, составленной А. Е. Викторovým (1881 г.), это сборник апокрифических сочинений XV в., написанный сербским полууставом; ранее принадлежал Афонскому монастырю Св. Павла. См. также: [Викторов, с. 67–70]. С этим списком сверялся Н. С. Тихонравов, публикуя текст «Видения» в «Памятниках отреченной русской литературы» по списку Соф. 1264.

Итак, образ апокрифического огненного колодца, не будучи широко распространен в учительной литературе, тем не менее, был однозначно известен книжникам XV–XVI вв. Сложилась парадоксальная ситуация: полный текст апокрифа находился под запретом и дошел до нас в единичных экземплярах, тогда как его сокращенные редакции повсеместно встречались в сборниках поучительного характера. Как в этих условиях могло быть воспринято воплощение семантики адского «кладязя» для казни еретиков?

Интересное свидетельство о сомнительной легитимности данной казни появляется спустя 50 лет, на церковном соборе 1553–1554 гг., осудившем как еретика старца Артемия – одного из авторитетнейших нестяжателей и идейного преемника Вассиана Патрикеева. На соборе Артемий возобновил спор о необходимости осуждения и казни еретиков, критикуя позицию Иосифа Волоцкого [Корогодина, с. 508, 510]. Более того, ему приписывали фразу, прямо осуждающую казнь «жидовствующих» в 1504 г. и обвиняющую церковное руководство в незнании сущности ереси и последующем забвении причины сожжения еретиков: «Не вѣдаю того, что ересь; сожгли Курицына да Рукавого и нынѣча того не вѣдаютъ, про что ихъ сожгли»⁴⁷. В сущности, если Артемий на самом деле выступил с подобным обвинением, его оппоненты вряд ли смогли дать ему достойный ответ. И уж тем более они не собирались убеждать его, приводя цитаты из апокрифа в качестве мотива казни еретиков – апокриф находился под официальным запретом.

Да и сами казни за ересь после дела «жидовствующих» прекращаются, уступая место традиционному в русской средневековой практике наказанию за это преступление – заточению. Были осуждены собором и отправлены в заточение Максим Грек и Вассиан Патрикеев. Позднее такая же участь постигла старца Артемия и Матвея Башкина. Следующее известие, описывающее сожжение в срубе обвиненных в ереси, относится уже к концу XVI в. и приведено иностранцем – Дж. Флетчером, что также заставляет усомниться в популярности данной экзекуции в XVI в.

Заслуживает внимания не только принципиальное сходство между апокрифическим мотивом заточения в огненный колодец и реальными обвинениями в адрес «жидовствующих» (отрицание конца света и св. Причастия), но и inferнальный характер этого наказания. Как уже было отмечено выше, семантика адского пламени и вообще адских мук играла важнейшую роль в мировоззрении жителей средневековой Руси. Можно согласиться с А. Д. Охоцимским в том, что сожжение более явно, чем другие способы казни, указывает не только на уже состоявшуюся, но также и на еще предстоящую Божью кару [Охоцимский, с. 176]. Вполне возможно, что сожжение «жидовствующих» – это один из первых примеров перенесения представлений о посмертном воздаянии в реальную практику. Как полагает А. Л. Юрганов, мотив воспроизведения адских мук в земной жизни был одной из главных задач опричнины Ивана Грозного: по замыслу царя, вдохновлявшегося библейскими текстами, государство, осуществляя подобие Страшного суда, должно было стать инструментом коллективного спасения накануне конца света⁴⁸. Если это так, нельзя исключать влияния предшествующих пенитенциарных практик на опричные казни Ивана Грозного. И сожжения в срубе конца XV – начала XVI в., с их inferнальным характером и чрезвычайной жестокостью, могли послужить предтечей опричных экзекуций.

Указанное выше может объяснить использование огненного сруба для наказания еретиков в 1504 г., но не устраняет все лакуны в деле 1493 г., которое, напомним, было политическим. И здесь необходимо отметить важные перемены, произошедшие в московской идеологии в по-

⁴⁷ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 239. С. 252.

⁴⁸ Более подробно об этом см.: [Юрганов; Каравашкин, Юрганов].

следней трети XV в. Одним из процессов, повлиявших на эти изменения, стало противостояние Москвы и Новгорода в 1470–1471 гг. и закончившееся разгромом новгородского войска на р. Шелони.

Для обоснования похода Ивана III на Новгород московские книжники разработали идею отступничества («отступления») новгородцев. Утверждалось, что новгородцы желали «отступить от своего государя великаго князя, а датись коралю латыньскому государю, хотячи лиха всему православию»⁴⁹. В современной литературе показано, что ни однозначного курса на признание Новгородом верховной власти короля Польского и великого князя Литовского Казимира IV, ни тем более новгородской угрозы «всему православию» в начале 1470-х гг. в действительности не было [Байковский, 2004, с. 115; Тарасов, 2011, с. 75; Печников, 2018, с. 239]. Но осторожная позиция Новгорода в церковных делах и частые контакты с литовской стороной использовались Москвой для усиления давления на Новгород. Пригласив литовского православного князя Михаила Олельковича в 1470 г., новгородцы в глазах Ивана III и его окружения поставили под сомнение лояльность великому князю московскому. А это требовало немедленного принятия самых жестких мер против «отступников». Московское правительство организует масштабный военный поход на Новгород.

Согласно свидетельствам, восходящим к великокняжескому летописанию 1470-х гг., после Шелонской битвы воеводы великого князя велели подвергнуть членовредительству пленных новгородцев: «Тѣм же поиманым самим меж себя повелѣша носы, губы, уши рѣзати, и отпускати их к Новугороду, а dospѣхи их снимающе, в воду вметающе, а инии огню предаша, не бяху бо им требе, но своими dospѣхи доволни вси суще»⁵⁰. Исследователи отмечают здесь отсылку к 23-й и 39-й главам Книги пророка Иезекииля. Москва отождествляется с Израилем и ведет борьбу против Новгорода, который олицетворяет Гога и Магога, отвернувшихся от Господа [Подвальнов, с. 137–138; Тарасов, 2019, с. 73; Филюшкин, с. 23]. Даже если перед нами всего лишь книжный конструкт, и в реальности подобного наказания не было, важен сам факт, который подтверждает поиск московскими интеллектуалами конца XV в. литературных параллелей для обоснования наказаний, имевших религиозный подтекст.

Между усилением политического давления Москвы на Новгород и возрастанием внимания московских книжников к тематике ереси и отступничества существовала прямая связь. После поражения новгородцев в открытом противостоянии с Иваном III конфликт отнюдь не был исчерпан. Отголосками тех событий стали аресты богатых новгородцев и разграбление их дворов зимой 1483–1484 гг. по ложному обвинению («... прииде великому князю обговорѣ на новгородци от самих же новѣгородцевѣ») в связях с Литвой⁵¹. А спустя всего несколько лет, в 1487 г., новгородский архиепископ Геннадий (Гонзов) сообщает епископу Прохору Сарскому о появлении в Новгороде еретиков «жидовская мудрствующих»⁵².

В этих условиях политический аспект в деле «жидовствующих» проявился особенно отчетливо. Следует учитывать и наличие «литовского следа» ереси – по мнению преподобного Иосифа Волоцкого, ересиарх «жидовствующих» Схария прибыл в Новгород из Киева именно в свите князя Михаила Олельковича. Собственно, сам Геннадий Новгородский очень резко реагировал на малейшие подозрения о его связях с Литвой. Об этом он писал митрополиту

---

⁴⁹ ПСРА. Т. 6. Вып. 2. Стб. 182.

⁵⁰ ПСРА. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 236–237.

⁵¹ ПСРА. Т. 6. Вып. 2. Стб. 318–319.

⁵² Источники по истории новгородско-московской ереси конца XV – начала XVI в. // Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М., Л., 1955. № 12. С. 310.

Зосиме: «Ниже к Литвы посылаю грамоты, ни из Литвы ко мне посылают грамот, ни паки литовские ставленики служат в моей архиепископии»⁵³.

Итак, в официальной московской книжности последней четверти XV в. закрепилось представление о новгородцах как нетвердых в вере или даже как отступниках от веры и от государя, связанных с Литвой и заслуживающих самого сурового наказания. В дальнейшем это сыграло свою роль в кампании против «жидовствующих». Идея отступничества встречается не только в летописных повестях о походах Ивана III на Новгород. Отступником назван митрополит Исидор в компилятивном послании митрополита Ионы литовским епископам, которое А. С. Павлов датировал 1460 г.⁵⁴ Иосиф Волоцкий также использовал мотив «отступления» в сочинениях против еретиков. Очень важно, что преподобный Иосиф апеллировал одновременно и к отступничеству «жидовствующих», и к возможности светской власти по их наказанию. А наказывать «отступников» к этому времени московская власть уже очень хорошо умела и делала это показательно.

Подобная трактовка пенитенциарных практик московских властей в конце XV в. может пролить свет и на события 1493 г. Судя по всему, именно так и были казнены князь Лукомский и Матиас, приехавшие служить Ивану III. Задумав покушение на жизнь господина (по официальной версии), они нарушили присягу, данную ими великому князю, поэтому должны были подвергнуться жестокой казни как изменники Богу и государю, то есть отступники. Необходимо отметить, что сожжение за измену в XV в. практиковалось и в самой Литве. Так, в 1435 г. великий князь литовский Свидригайло сжег на костре митрополита Герасима по обвинению в сотрудничестве с Сигизмундом Кейстутовичем [Тарасов, 2006].

Казнь Лукомского и Матиаса в январе 1493 г. очень хорошо укладывается в идеологию отступничества, сформировавшуюся в ходе борьбы Ивана III с Новгородом. В их деле также имелся явный «литовский след» – оба приехали из Великого княжества Литовского. Более того, их сожжение произошло в период русско-литовской войны 1492–1494 гг. и, следовательно, обострившихся противоречий. В начале XVI в. «жидовствующие» воспринимались не просто как еретики, а именно как отступники в широком смысле, то есть политический контекст в этом деле был не менее значим, чем религиозный. Ересь, в том виде, как ее представляли обличители, вносила раскол в русское общество и потому начинала восприниматься как антиобщественное и антигосударственное явление. Именно об этом писал Иосиф Волоцкий, опасавшийся гибели «царства» от еретиков. Таким образом оправдывалось применение к еретикам смертной казни. Это делало их сожжение в срубе возможным теоретически.

Литература

- Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской церкви. М.; СПб., 2009. 468 с.
- Алексеев А. И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб., 2002. 347 с.
- Алексеев А. И. Власть и общество в Древней Руси в отношении к колдовству и ереси XI–XVI вв. (казни посредством сожжения) // Российская государственность: история и современность. СПб., 2003. С. 44–56.

⁵³ Там же. № 18. С. 375.

⁵⁴ Опубликовано: РИБ. Т. 6. № 87. Стб. 645–658. О. А. Абеленцева отмечает, что данный текст известен не из митрополичьего формулярика Син. 562, где содержится большинство других посланий митрополита Ионы, а из четырех сборников, самые ранние из которых – ОР РНБ. Собрание Новгородского Софийского собора. № 1465 (конец XV – начало XVI в.) и № 1464 (начало XVI в.). Нетипичным для предшествующих грамот Ионы, сообщающих о приходе Григория Болгарина – ученика Исидора, являются сравнения митрополита Исидора с «богоотступниками» Арием и Несторием (обычно его сравнивали с папой Формозом и еретиком Македонием). Все это позволяет отнести данное послание к обширному периоду от 1460 г. до начала XVI в. [Абеленцева, с. 282, 288, 442].

- Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV – начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012. 559 с.
- Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: семиотика образа. М., 2011. 384 с.
- Байковский К. Ю. Покорение Новгорода как «царское дело» Ивана III // *Духовность: журнал гуманитарных исследований*. Сергиев Посад, 2004. С. 113–120.
- Белякова Е. В. К вопросу о влиянии византийского законодательства о еретиках на русскую правовую традицию // *Миграции. Формирование Российского государства. Материалы Международных семинаров исторических исследований «От Рима к Третьему Риму»*. М., 2015. С. 198–217.
- Бульчев А. А. Между святыми и демонами: заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. 304 с.
- Викторов А. Е. Собрание рукописей П. И. Севастьянова. М., 1881. [4], 120 с.
- Грищенко А. И. Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения. М., 2018. 174, [1] с.
- Делюмо Ж. Ужасы на Западе. М., 1994. 408 с.
- Дмитриев М. В. От антииудаизма к иудаизантизму в православной культуре востока Европы в конце XV – XVI вв. // *POLYSTORIA: Цари, святые, мифотворцы в средневековой Европе*. М., 2016. С. 207–264.
- Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. 452 с.
- Казаков А. А. Конструируя ересь: два обличительных свидетельства об архимандритах «жидовствующих» // *Novogardia*. 2019. № 2. С. 160–176. DOI 10.25797/NG.2019.2.2.009
- Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. 363 с.
- Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М.; Л., 1955. 544 с.
- Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опричнина и Страшный суд // *Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности*. М., 2003. С. 68–115.
- Кивельсон В. Магия отчаяния. Моральная экономика колдовства в России XVII века. СПб.; Бостон, 2020. 480 с.
- Кожурин К. Я. Протопоп Аввакум: жизнь за веру. М., 2013. 396 с.
- Копытков В. В., Кузнецов А. В. «Отписка о казнении жонки Федосьи» в свете взаимосвязей Тотьмы и Солигалича // *Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 110-летию со дня рождения П. Н. Третьякова*. Кострома, 2019. С. 119–125.
- Корогодина М. В. Кормчие книги XIV – первой половины XVII веков. СПб., 2017. Т. 1. Исследование. 600 с.
- Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014. 607 с.
- Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.; Л., 1960. 532 с.
- Манохин А. А. «Книга на еретиков» Иосифа Волоцкого в первой половине XVI столетия // *Novogardia*. 2019. № 4. С. 182–249. DOI 10.25797/NG.2019.4.4.008
- Манохин А. А. Собор 1490 г. как основа конструирования «ереси жидовствующих» // *Христианское чтение*. 2021. № 4. С. 412–430. DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_412
- Медведев И. П. Смертная казнь в толковании византийских юристов // *Правовая культура Византийской империи*. СПб., 2001. С. 479–498.
- Мильков В. В. Апокрифические образы иного мира в апокрифах «Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху» // *Язык и текст*. 2017. № 4. С. 85–118.
- Мусин А. Е. Загадки дома Святой Софии: Церковь Великого Новгорода в X–XVI вв. СПб., 2013. 139 с.
- Охоцимский А. Д. Огонь в Библии // *Огонь и свет в сакральном пространстве. Материалы международного симпозиума*. М., 2011. С. 168–190.
- Петрухин В. Я. С чего начиналась «ересь жидовствующих»? // Белова О. В., Петрухин В. Я. «Еврейский миф» в славянской культуре. М.; Иерусалим, 2008. С. 169–179.

- Петрушко В. И. Московский собор 1503 г. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 6 (73). С. 9–20.
- Печников М. В. Иван III и новгородский розыск 1487–1490 гг. Ч. 1 // Средневековая Русь. М., 2018. Вып. 13. С. 181–240.
- Печников М. В. Иван III и новгородский розыск 1487–1490 гг. Ч. 2 // Средневековая Русь. М., 2020. Вып. 14. С. 153–220.
- Плигузов А. И. Предисловие // Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 1986. Ч. 1. С. 3–50.
- Плигузов А. И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2017. 420 с.
- Подвальнов Е. Д. Интерпретация Коростынской битвы 1471 года в рамках центонно-парафразного метода // Novogardia. 2019. № 2. С. 131–144. DOI 10.25797/NG.2019.2.2.007
- Раба Й. «Жидовствующие» ли? История задушенной мысли // Russia Mediaevalis. München, 2001. Т. 10. № 1. S. 126–149.
- Романова Е. В. Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX веках. СПб., 2012. 287 с.
- Скрынников Р. Г. Государство и Церковь на Руси XIV–XVI вв. Подвижники Русской Церкви. Новосибирск, 1991. 393, [3] с.
- Тарасов А. Е. Герасим // ПЭ. М., 2006. Т. 11. С. 152–154.
- Тарасов А. Е. Церковь и подчинение Великого Новгорода // НИС. М.; СПб., 2011. Вып. 12 (22). С. 71–109.
- Тарасов А. Е. Антиповедение в культуре средневековой Руси: два случая поругания конца XV в. // Studia Culturae. 2014. Вып. 21. С. 162–175.
- Тарасов А. Е. Эсхатологический контекст московской версии похода Ивана III на Новгород в 1471 году // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2019. Вып. 6. Шестые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Материалы к международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. С. 72–76.
- Тарасов А. Е. Еще раз о символике наказания новгородских еретиков в 1490 г. // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: люди, время и пространство русской истории. К 70-летию профессора Н. С. Борисова. СПб., 2020. С. 194–206.
- Тогоева О. И. Адюльтер – измена – искушение: долгая история одного судебного ритуала // Ситуативная адекватность. Интерпретация культурных кодов: 2009. Саратов; СПб., 2009. С. 33–43.
- Филлюшкин А. И. Василий III. М., 2010. 345 с.
- Хоулетт Я. Р. Свидетельство архиепископа Геннадия о ереси «новгородских еретиков жидовская мудрствующих» // ТОДРА. СПб., 1993. Т. 46. С. 53–74.
- Цветков М. А. Захар стригольник в послании архиепископа Геннадия // Новгородский архивный вестник. 2001. № 2. С. 19–24.
- Чинякова Г. П. Древняя Русь и Запад. Русский лицевой Апокалипсис XVI–XVII веков. Миниатюра, гравюра, икона, стенопись. М., 2017. 374 с.
- Чумичева О. В. Иноверцы или еретики: понятие «жидовская мудрствующие» в полемическом контексте на Руси конца XI – начала XVI в. // Очерки феодальной России. М., 2010. Вып. 14. С. 209–226.
- Эттингер Ш. Влияние евреев на «ересь жидовствующих» в Московской Руси // Jews & Slavs. Jerusalem; СПб., 1995. Vol. 4. P. 9–27.
- Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. 447 с.
- Klier J. D. Judaizing without Jews? Moscow-Novgorod, 1470–1504 // Московская Русь (1359–1584): Культура и историческое самосознание. М., 1997. С. 336–349.
- Pliguzov A. Archbishop Gennadii and the Heresy of the “Judaizers” // Harvard Ukrainian Studies. 1992. Vol. 16. No. 3/4. P. 269–288.

References

Abelentseva, O. A. Mitropolit Iona i ustanovlenie avtokefalii Russkoi tserkvi [Metropolitan Jonah and the Establishment of Autocephaly of the Russian Church]. Moscow; Saint Petersburg, 2009. 468 p.

- Alekseev, A. I. Pod znakom kontsa vremen: Ocherki russkoi religioznosti kontsa XIV – nachala XVI vv. [Under the Sign of the End of Time: Essays on Russian Religiosity of the Late 14th – the Early 16th Centuries]. Saint Petersburg, 2002. 347 p.
- Alekseev, A. I. Vlast' i obshchestvo v Drevnei Rusi v otnoshenii k koldovstvu i eresi XI–XVI vv. (kazni posredstvom sozhzheniya) [Power and Society in Old Rus in Relation to Witchcraft and Heresy of the 11th – 16th Centuries (Executions by Burning)]. In *Rossiiskaya gosudarstvennost': istoriya i sovremennost'*. Saint Petersburg, 2003. Pp. 44–56.
- Alekseev, A. I. Religioznye dvizheniya na Rusi poslednei treti XIV – nachala XVI v.: strigol'niki i zhidovstvuyushchie [Religious Movements in Rus in the Last Third of the 14th – the Beginning of the 16th Centuries: Strigolniks and “Judaizers”]. Moscow, 2012. 559 p.
- Antonov, D. I., Maizul's, M. R. Demony i greshniki v drevnerusskoi ikonografii: semiotika obraza [Demons and Sinners in Old Russian Iconography: Semiotics of the Image]. Moscow, 2011. 384 p.
- Baikovskii, K. Yu. Pokorenie Novgoroda kak “tsarskoe delo” Ivana III [The Conquest of Novgorod as a “Royal Affair” of Ivan III]. In *Dukhovnost': zhurnal gumanitarnykh issledovaniy*. Sergiev Posad, 2004. Pp. 113–120.
- Belyakova, E. V. K voprosu o vliyanii vizantiiskogo zakonodatel'stva o eretikakh na russkuyu pravovuyu traditsiyu [On the Question of the Influence of Byzantine Legislation on Heretics on the Russian Legal Tradition]. In *Migratsii. Formirovanie Rossiiskogo gosudarstva. Materialy Mezhdunarodnykh seminarov istoricheskikh issledovaniy “Ot Rima k Tret'emu Rimu”*. Moscow, 2015. Pp. 198–217.
- Bulychev, A. A. Mezhdru svyatyimi i demonami: zametki o posmertnoi sud'be opal'nykh tsarya Ivana Groznogo [Between Saints and Demons: Notes on the Posthumous Fate of the Disgraced of Tsar Ivan the Terrible]. Moscow, 2005. 304 p.
- Chinyakova, G. P. Drevnyaya Rus' i Zapad. Russkii litsevoi Apokalipsis XVI–XVII vekov. Miniatura, gravyura, ikona, stenopis' [Old Rus and the West. Russian Illustrated Apocalypse of the 16th – 17th Centuries. Miniature, Engraving, Icon, Wall Painting]. Moscow, 2017. 374 p.
- Chumicheva, O. V. Inovertsy ili eretiki: ponyatie “zhidovskaya mudrstvuyushchie” v polemicheskom kontekste na Rusi kontsa XI – nachala XVI v. [Gentiles or Heretics: The Concept of “Judaic Reasoning” in the Polemical Context in Rus of the Late 11th – the Early 16th Century]. In *Ocherki feodal'noi Rossii*. Moscow, 2010. Issue 14. Pp. 209–226.
- Delyumo, Zh. Uzhasy na Zapade [Horrors in the West]. Moscow, 1994. 408 p.
- Dmitriev, M. V. Ot antiiudaizma k iudaizantizmu v pravoslavnoi kul'ture vostoka Evropy v kontse XV – XVI vv. [From Anti-Judaism to Judaizantism in the Orthodox Culture of Eastern Europe at the End of the 15th – 16th Centuries]. In *POLYSTORIA: Tsari, svyaty, mifotvortsy v srednevekovoi Evrope*. Moscow, 2016. Pp. 207–264.
- Ettinger, Sh. Vliyanie evreev na “eres' zhidovstvuyushchikh” v Moskovskoi Rusi [The Influence of Jews on the “Heresy of the Judaizers” in Muscovite Russia]. In *Jews & Slavs*. Jerusalem; Saint Petersburg, 1995. Vol. 4. Pp. 9–27.
- Filyushkin, A. I. Vasiliy III [Vasily III]. Moscow, 2010. 345 p.
- Grishchenko, A. I. Pravlenoe slavyano-russkoe Pyatiknizhie XV veka: predvaritel'nye itogi lingvotekstologicheskogo izucheniya [The Ruling Slavonic-Russian Pentateuch of the 15th Century: Preliminary Results of Linguotextological Study]. Moscow, 2018. 174, [1] p.
- Karavashkin, A. V., Yurganov, A. L. Oprichnina i Strashnyi sud [Oprichnina and the Last Judgment]. In *Opyt istoricheskoi fenomenologii. Trudnyi put' k ochevidnosti*. Moscow, 2003. Pp. 68–115.
- Kazakov, A. A. Konstruiruya eres': dva oblichitel'nykh svidetel'stva ob arhimandritakh–zhidovstvuyushchikh” [Creating the Heresy: Two Evidence against the “Judaizers” Archimandrites]. In *Novogardia*. 2019. No. 2. Pp. 160–176. DOI 10.25797/NG.2019.2.2.009
- Kazakova, N. A. Vassian Patrikeev i ego sochineniya [Vassian Patrikeev and His Writings]. Moscow; Leningrad, 1960. 363 p.
- Kazakova, N. A., Lur'e, Ya. S. Antifeodal'nye ereticheskie dvizheniya na Rusi XIV – nachala XVI v. [Anti-feudal Heretical Movements in Russia of the 14th – the Beginning of the 16th Centuries]. Moscow; Leningrad, 1955. 544 p.
- Khoulett, Ya. R. Svidetel'stvo arkhiepiskopa Gennadiya o eresi “novgorodskikh eretikov zhidovskaya mudr'stvuyushchikh” [The Testimony of Archbishop Gennady about the Heresy of the “Novgorod Heretics of the

- Judaic Reasoning”]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 1993. Vol. 46. Pp. 53–74.
- Kivel’son, V. Magiya otchayaniya. Moral’naya ekonomika koldovstva v Rossii XVII veka [The Magic of Despair. The Moral Economy of Witchcraft in Russia of the 17th Century]. Saint Petersburg; Boston, 2020. 480 p.
- Klier, J. D. Judaizing without Jews? Moscow-Novgorod, 1470–1504. In *Moskovskaya Rus’ (1359–1584): Kul’tura i istoricheskoe samosoznanie*. Moscow, 1997. Pp. 336–349.
- Kopytkov, V. V., Kuznetsov, A. V. “Otpiska o kaznenii zhonki Fedos’i” v svete vzaimosvyazei Tot’mi i Soligalicha [“The Report about the Execution of the Woman Fedosya” in the Light of the Interrelationships of Totma and Soligalich]. In *Kostromskoi kraii i sopredel’nye territorii v drevnosti, Srednevekov’e i v Novoe vremya. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya P. N. Tret’yakova*. Kostroma, 2019. Pp. 119–125.
- Korogodina, M. V. Kormchie knigi XIV – pervoi poloviny XVII vekov [Nomocanons of the 14th – the First Half of the 17th Centuries]. Saint Petersburg, 2017. Vol. 1. Issledovanie [Research]. 600 p.
- Kozhurin, K. Ya. Protopop Avvakum: zhizn’ za veru [Protopop Avvakum: Life for Faith]. Moscow, 2013. 396 p.
- Lukin, P. V. Novgorodskoe veche [Novgorod Veche]. Moscow, 2014. 607 p.
- Lur’e, Ya. S. Ideologicheskaya bor’ba v russkoi publitsistike kontsa XV – nachala XVI veka [Ideological Struggle in Russian Journalism of the Late 15th – the Early 16th Centuries]. Moscow; Leningrad, 1960. 532 p.
- Manokhin, A. A. “Kniga na eretikov” Iosifa Volotskogo v pervoi polovine XVI stoletiya [“The Book against Heretics” of Joseph Volotsky in the 1st Half of the 16th Century]. In *Novogardia*. 2019. No. 4. Pp. 182–249. DOI 10.25797/NG.2019.4.4.008
- Manokhin, A. A. Sobor 1490 g. kak osnova konstruirovaniya “eresi zhidovstvuyushchikh” [The Council of 1490 as the Basis of the Construction of the “Heresy of the Judaizers”]. In *Khristianskoe chtenie*. 2021. No. 4. Pp. 412–430. DOI 10.47132/1814-5574_2021_4_412
- Medvedev, I. P. Smertnaya kazn’ v tolkovanii vizantiiskikh yuristov [The Death Penalty in the Interpretation of Byzantine Lawyers]. In *Pravovaya kul’tura Vizantiiskoi imperii*. Saint Petersburg, 2001. Pp. 479–498.
- Mil’kov, V. V. Apokrificheskie obrazy inogo mira v apokrifakh “Videnie apostola Pavla”, “Khozhdenie Bogoroditsy po mukam”, “Voprosakh i otvetakh sv. Afanasiya kn. Antiokhu” [Apocryphal Images of the Other World in the Apocrypha “The Vision of the Apostle Paul”, “Walking of the Virgin by Flour”, “Questions and Answers of St. Athanasius to the Antiochus”]. In *Yazyk i tekst*. 2017. No. 4. Pp. 85–118.
- Musin, A. E. Zagadki doma Svyatoi Sofii: Tserkov’ Velikogo Novgoroda v X–XVI vv. [Riddles of the House of St. Sophia: The Church of Veliky Novgorod in the 10th – 16th Centuries]. Saint Petersburg, 2013. 139 p.
- Okhotsimskii, A. D. Ogon’ v Biblii [Fire in the Bible]. In *Ogon’ i svet v sakral’nom prostranstve. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*. Moscow, 2011. Pp. 168–190.
- Pechnikov, M. V. Ivan III i novgorodskii rozysk 1487–1490 gg. Ch. 1 [Ivan III and the Novgorod Search of 1487–1490. Part 1]. In *Srednevekovaya Rus’*. Moscow, 2018. Issue 13. Pp. 181–240.
- Pechnikov, M. V. Ivan III i novgorodskii rozysk 1487–1490 gg. Ch. 2 [Ivan III and the Novgorod Search of 1487–1490. Part 2]. In *Srednevekovaya Rus’*. Moscow, 2020. Issue 14. Pp. 153–220.
- Petrukhin, V. Ya. S chego nachinalas’ “eres’ zhidovstvuyushchikh”? [How did the “Heresy of the Judaizers” Begin?]. In *Belova, O. V., Petrukhin, V. Ya. “Evreiskii mif” v slavyanskoi kul’ture*. Moscow; Ierusalim, 2008. Pp. 169–179.
- Petrushko, V. I. Moskovskii sobor 1503 g. [Moscow Council of 1503]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II. Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. 2016. Issue 6 (73). Pp. 9–20.
- Pliguzov, A. I. Predislovie [Preface]. In *Russkii feodal’nyi arkhiv XIV – pervoi treti XVI veka*. Moscow, 1986. Part 1. Pp. 3–50.
- Pliguzov, A. Archbishop Gennadii and the Heresy of the “Judaizers”. In *Harvard Ukrainian Studies*. 1992. Vol. 16. No. 3/4. Pp. 269–288.
- Pliguzov, A. I. Polemika v russkoi tserkvi pervoi treti XVI stoletiya [Polemics in the Russian Church of the First Third of the 16th Century]. Moscow, 2017. 420 p.
- Podval’nov, E. D. Interpretatsiya Korostynskoi bitvy 1471 goda v ramkakh tsentonno-parafraznogo metoda [The Interpretation of the Battle of Korostyn 1471 within the Confines of the Centon-Paraphrase Method]. In *Novogardia*. 2019. No. 2. Pp. 131–144. DOI 10.25797/NG.2019.2.2.007

- Raba, I. "Zhidovstvuyushchie" li? Istoriya zadushennoi mysli [Are They "Judaizers"? The Story of a Strangled Thought]. In *Russia Mediaevalis*. München, 2001. T. 10. № 1. S. 126–149.
- Romanova, E. V. Massovye samosozhzheniya staroobryadtsev v Rossii v XVII–XIX vekakh [Mass Self-immolations of Old Believers in Russia in the 17th – 19th Centuries]. Saint Petersburg, 2012. 287 p.
- Skrynnikov, R. G. Gosudarstvo i Tserkov' na Rusi XIV–XVI vv. Podvizhniki Russkoi Tserkvi [The State and the Church in Rus of the 14th – 16th Centuries. Ascetics of the Russian Church]. Novosibirsk, 1991. 393, [3] p.
- Tarasov, A. E. Gerasim [Gerasim]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2006. Vol. 11. Pp. 152–154.
- Tarasov, A. E. Tserkov' i podchinenie Velikogo Novgoroda [The Church and the Subordination of Veliky Novgorod]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Moscow; Saint Petersburg, 2011. Issue 12 (22). Pp. 71–109.
- Tarasov, A. E. Antipovedenie v kul'ture srednevekovoi Rusi: dva sluchaya poruganiya kontsa XV v. [Anti-behaviour in the Culture of Medieval Rus: Two Cases of Abuse of the End of the 15th Century]. In *Studia Culturae*. 2014. Issue 21. Pp. 162–175.
- Tarasov, A. E. Eskhatologicheskii kontekst moskovskoi versii pokhoda Ivana III na Novgorod v 1471 godu [The Eschatological Context of the Moscow Version of Ivan III's March on Novgorod in 1471]. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Moscow, 2019. Issue 6. *Shestye chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova. Materialy k mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 21–22 noyabrya 2019 g.* Pp. 72–76.
- Tarasov, A. E. Eshche raz o simbolike nakazaniya novgorodskikh eretikov v 1490 g. [Once Again about the Symbolism of the Punishment of Novgorod Heretics in 1490]. In *"Vosstanet tsesar' v opustevshei zemle": lyudi, vremya i prostranstvo russkoi istorii. K 70-letiyu professora N. S. Borisova*. Saint Petersburg, 2020. Pp. 194–206.
- Togoeva, O. I. Adyul'ter – izmena – iskuszenie: dolgaya istoriya odnogo sudebnogo rituala [Adultery – Treason – Temptation: The Long History of One Judicial Ritual]. In *Situativnaya adekvatnost'. Interpretatsiya kul'turnykh kodov: 2009*. Saratov; Saint Petersburg, 2009. Pp. 33–43.
- Tsvetkov, M. A. Zakhar strigol'nik v poslanii arkhiepiskopa Gennadiya [Zakhar Strigolnik in the Message of Archbishop Gennady]. In *Novgorodskii arkhivnyi vestnik*. 2001. No. 2. Pp. 19–24.
- Viktorov, A. E. Sobranie rukopisei P. I. Sevast'yanova [Collection of Manuscripts of P. I. Sevastyanov]. Moscow, 1881. [4], 120 p.
- Yurganov, A. L. Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury [Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow, 1998. 447 p.
- Zimin, A. A. Rossiya na poroge novogo vremeni (Ocherki politicheskoi istorii Rossii pervoi treti XVI v.) [Russia on the Threshold of the New Time (Essays on the Political History of Russia in the First Third of the 16th Century)]. Moscow, 1972. 452 p.

Alexei V. Sdirkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

BURNING IN A LOG CABIN UNDER IVAN III: ORIGIN AND SEMANTICS

The paper considers the problem of the origin of execution by burning in a log cabin, which has not yet become the subject of a detailed study. It was found out that the idea of apostasy, developed by the Moscow official ideology during the struggle against Novgorod, contributed to the actualization of this punishment. It was also suggested that in the conditions of aggravation of eschatological experiences at the end of the 15th century and confrontation with the heresy of the "Judaizers", burning in a log cabin could have a bright semantic coloring, going back to the image of the fiery infernal well from the Apocrypha "The Vision of St. Paul".

Keywords: burning in a log cabin, semantics of punishment, the "Judaizers", Ivan III, Joseph Volotsky, eschatology, Apocrypha